

Шашков Яков Фролович

Отец мой приехал в деревню Кочки, Кочковский район, Новосибирской области в возрасте 10 лет. Там же оказались его два брата, как они там оказались, не знаю. Видимо, все они приехали со своим отцом Шашковым Максимом. Все они приехали из под Курска. Стали много работать. Все три брата жили одной семьей. Три больших дома стояли рядом. Была одна семья человек 20. Деревня была большая. Семья имела запряженных 20 лошадей, скота много, много сеяли, на всю семью около 100 гектаров. Были в хозяйстве молотилка, сноповязалка, веялка и другие машины.

Родился я в 1910 году. Маленьким, в 4 года помню, что в 14 году началась война. Водили меня на ярмарку, слышал разговоры взрослых. На войне были 2 брата Фрола, оба пришли с войны живыми. Потом революция, приходили в деревню белые, брали в армию тех, кто побогаче. Те кто беднее, уходили в партизанские отряды. Белые расстреливали партизан и их семьи. Помнится, был Бессмертный, имел он паровую мельницу. Мельницу разобрал на части, чтобы никому не досталась. Организовал отряд, который воевал за белых. Помню, в его отряде был Мадьяр, который работал у Бессмертного машинистом. Пришли красные, белые в селе были, вышли навстречу друг другу. Красные хотя и пиками воевали, разогнали белых, дрались они отчаянно. Бессмертный в деревню - красные за ним, он под амбар залез. Его оттуда вытащили, дали ему 25 розог, он вырвался и убежал. Прибегает к нам в огород, мама моя там коноплю собирает. «Куда прятаться». А мать моя: «Да вот сюда, хоть в коноплю». Было и такое.

Кончилась революция, кончилась гражданская война. Начался НЭП. Никто и не замечал Советской власти. Восстанавливались магазины, поощрялась торговля, люди жили хорошо. Помню, устраивались выставки на селе: у кого лучше жеребец, корова. Скотины было много, пасти негде, земля вся распаханна. В город везли и везли, муку, мясо, масло. Приедешь на станцию, а там всего навалом. Горожанин брал муку, проверял как тянется, если плохо, шел дальше, выбирал лучшую. У нас в это время было меньше лошадей, запряженных 5 и 5 молодняка. Сеяли гектаров 20. Примерно в это время наша семья разделилась. У моего отца молотилка. В семье четверо детей: Анфиса, Яков, Анна, Тимофей. Анфиса вышла замуж в 25 лет, отделилась, жили они отдельно.

Началась коллективизация, хватит, пожил. Инициативу отдали активистам. Сначала раскулачивали самых богатых, середняков не трогали. Мы жили неплохо. Дальше больше, начали раскулачивать победнее, а потом без разбору. Приходили, отбирали, что получше, одевали сами чужую одежду, давали «пинка» и уходили. В 1928 году забрали отца, дали 3 года. За неуплату индивидуально обложенного налогом. Имущество все описали, все забрали, осталась у нас одна лошадь.

Женился я в 1929 году, было мне 19 лет. Те, кто поумнее, уехали в город. Все продали - и айда. Два других брата Фрола в самом начале коллективизации смотались. Мы не успели. Жили мы в своем доме, описали наше имущество и дом, нельзя продавать. Писали заявление, ждали, что восстановят. Был у нас милиционер Пушкарев, мы с ним знакомы были. Сам я был из тихих, жил смирно. Приказ, никуда уезжать нельзя. Я часто в клуб ходил. Идем мы как-то с Пушкаревым из клуба, он мне говорит, уезжай ты отсюда, нечего тебе здесь делать, хуже будет, уезжай в город. Да как я уеду, может, восстановят, да и

документы где взять. Пушкарев говорит: «Документы я сделаю, помогу». Нет, не решился я. Потом через год приехал отец, он год в тюрьме сидел. Купили лошадь, но все было описано. Было сено, мне сказали: «Отвечаешь за сено, сам не бери и никому не давай». Приезжает активист и накладывает наше сено. Я пошел к представителю НКВД, у него кабинет был свой. Спрашиваю: «Придется мне за сено отвечать?». Он вызвал активиста. Верни, говорит, сено, это для колхоза, а не каждому брать. Скот забрали. Содержать не смогли. Продавали на торгах. Если корова 25 рублей стоила, ее продавали за 3 рубля. Скот резали и ели. Много добра по ветру пустили.

Никуда не уехал, жил в деревне. А много народа подалось из нашей деревни. Хозяйство пришло в упадок. Мало скотины стало. Собрали нас и погнали на работу. Сначала в город, рядом с Новосибирском, там дорогу в Новосибирск строили. Этот город от Новосибирска в 30 км находится. Землю на тачках возили, разрывали холмы сыпали землю в низины. Да еще мост через Обь строили. Меня в августе забрали, жена в сентябре родила. Шурина жену с ребенком привез ко мне. Жили в бараках. Ребенок заболел и умер. Стали мы вдвоем жить. Жена домохозяйка. Я работал хорошо, был на хорошем счету. Мне прораб говорил: «Уезжай отсюда. Сделаю тебе бумаги, помогу». Я надеялся, что все образумится, восстановится, может, что-то из имущества отдадут, поеду обратно в деревню.

Бухгалтер жил со мной в одной квартире. Говорил: «Давай переходи в конюхи. Вставай раньше всех, запрягай и выезжай первым. Месяца 2 поработаешь, я за тебя похлопочу, тебя восстановят». Не пошел я.

Весной отпуск у прораба попросил. Хоть каждому не давали, мне отпуск дал.

Приехал я в деревню, а там голод. У сестры Анфисы нашли последнюю чашку муки.

Она вцепилась, детей, говорит пожалейте. Не послушали, забрали муку, увезли.

Тимофея послал весной в деревню, может, сеять нужно. Председатель сельского совета, однофамилец Шашков предлагал: «Давай сделаю бумаги, уезжай». Не уехал, вернулся на работу.

На работе забрали и погнали в Новосибирск. Был это 1931 год. Посадили на поезд, повезли в Томск. Говорил я жене, давай уйдем. Да как, да шмутки, не ушли, поехали. А многие уходили из поезда. Охраны не было. Общая охрана была, а строгой не было. Я свободно ходил из вагона в вагон. Приехали в Томск. Сутки сидели на Черемошниках. Посадили на пароход и повезли. Кто в трюме, кто на палубе. В трюме невозможно, люди умирали. Привезли в Парабель, на ту сторону Истока. Потом Соиспаево, на Старице. Строить дорогу заставили. Еды давали горсть (кружку) ржи. Голод и смерть. Женщины окружили представителя, коменданта, подняли шум, комендант стрелял, кого-то убил. Начал выступать, (дескать) меня тоже ссылали в 1905 году. Вы нас ссылайте, зачем наших детей губите. Кругом смерть.

Ушел я нелегально. В деревню обратно пришел. Шурина снабдил сухарями, и я ушел в Прокопьевск, стал работать на шахте.

На этом рассказ заканчивается.